

лит. 292

27 февраля 1985 года ♦ № 9 (5023)

ПИСЬМО
В РЕДАКЦИЮ

Не все можно петь

ЭТО БЫЛО очень давно. Больше полувека тому назад. Двадцать пятого февраля тысяча девятьсот тридцатого года. Открытие Клуба театральных работников в Старопименовском переулке.

Открытие торжественно-веселое, так сказать, с «застольем». В том смысле, что в зрительном зале стояли столы, за которыми сидели зрители. Пили, ели, смотрели и слушали.

На эстраде — полуимпровизированный, полукапустинский концерт. Всех выступающих не помню, помню только Тенина, Рину Зеленоую и Мирова.

Вели концерт конференсье Менделевич и Алексеев. Естественно, что вели его и остроумно, и весело.

Я за столиком не сидел, так как тоже был приглашен участвовать в концерте, что и совершил в отведенное мне время. Закончив номер и откланявшись, сошел с подмостков и приспособился смотреть других актеров.

Не помню, кто выступил после меня, но неожиданно из зала кто-то крикнул «Маяковско-ва», «Ма-я-ковско-ва», и сразу все, сидящие в зале, закричали: «Маяковско-ва, Маяковско-ва...»

Маяковский сидел за столиком с Полонской и Яншиным в углу, в самом конце зала. Он встал и, протискиваясь между столиками, молча прошел на эстраду.

В зале стало тихо, а Маяковский, обращаясь не к сидящим в зале, а поверх их голов, куда-то вдаль, громко сказал: «Уважаемые товарищи потомки! Роясь в сегодняшнем окаменевшем дерьме, наших дней изучая потемки, вы, возможно, спросите и обо мне». Это было знаменитое «Во весь голос», которое теперь знают все, кто знает Маяковского. Тогда сидящие за столиками услышали это впервые.

Зал прямо-таки вымер. Нет нас всех. Просто нету. Только голос Маяковского, летящий над нами: «...И мне бы строчить романсы на вас — доходней оно и прелестней. Но я себя смирял, становясь на горло собственной песне».

Никто тарелкой не стукнул, ни вина не прихлебнул.

«Слушайте, товарищи потомки, агитатора, горланглаваря. Заглуша поэзии потоки, я шагну через лирические томики как живой с живыми говоря».

Что-то невероятное происходило. При нас, при нас Маяковский говорил не с нами, а с теми, кто будет жить после нас. С будущим. Смело говорил, жертвенно. Как живой с живыми...

Кончил. Сошел с эстрады и, так же протискиваясь между столиками, пошел на свое место к Полонской и Яншину.

Все, мимо кого он проходил, поворачиваясь, провожали его аплодисментами, и на затухающих аплодисментах опять кто-то крикнул: «Качалова» — и другие поддержали: «Качалова, Качалова, просим Качалова».

Качалов встал, поднял руку и на затихшем зале очень серьезно и очень взволнованно сказал: «После того, что

мы слышали, после Маяковского выступать нельзя».

Вот сколько лет прошло, а забыть этой исповеди Маяковского, этого героически-трагического его разговора с будущим, его отчета за всю свою жизнь, пронизанную борьбой за правду, за чистоту, за счастье тех, кто будет жить после него, я не могу. Навсегда врезалось это в мою память, будто выжжено в ней.

Через месяц и шестнадцать дней Маяковский покончил с собой. За два дня до выстрела написал очень короткое письмо, обращенное уже не к потомкам, а к тем, кто остается жить.

Не знаю, почему он решил расстаться с жизнью, да и не хочу думать об этом, тем более что в своем письме-завещании Маяковский написал: «В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил».

В том же завещании четыре стихотворные строчки:

Как говорят —
«инцидент исперчен»,
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.

Только Маяковский так по-мужски иронически мог написать слова о собственной смерти. Для всех, любящих Маяковского, они стали святыми. К ним нельзя прикасаться.

А в июле восемьдесят четвертого года по телевидению в передаче «Песня-84» я вдруг услышал и увидел, как молодой изысканный тенор спел романс «на слова Маяковского», называвшийся «Ночь».

Смотреть и слышать это было просто страшно. Пелись те самые четыре предсмертные строчки Маяковского, которые вы только что прочли.

Вы же помните другие строчки Маяковского: «И мне бы строчить романсы на вас — доходней оно и прелестней».

И вдруг в романс — в романс, в тот самый, который «доходней оно и прелестней», — превратить абсолютно личные предсмертные слова Маяковского. Кошунство.

Я не пишу ни фамилии композитора, ни фамилии исполнителя, потому что, вероятно, не думали они о том, как страшно прозвучит исполнение этого романса для всех, кто не может забыть смерти Маяковского и его предсмертных слов. Но я очень надеюсь, что романс этот не будет больше исполняться публично. Нельзя.

Сергей ОБРАЗЦОВ

Тема, поднятая С. Образцовым, не оставила равнодушными и читателей. «Строки прощального стихотворения Маяковского пронизаны трагизмом, — пишет нам, например, «бывшая десятиклассница» (так она отрекомендовалась) Анна Белоусова. — Трудно понять, как людям могло прийти в голову сделать из него эстрадную песню. Это, по меньшей мере, неуважение к памяти великого поэта». Надеемся, что эти слова будут услышаны.